

1989 - 25 окт

АЛЕКСАНДР АРОНОВ
О ГОРОДИМ?

Н ЧЕМУ романы, когда сама жизнь — роман? Это — цитата. (Догадаетесь, чья). На воспоминания я ее, когда смотрел передачу с Юрием Любимовым в Таганке и обо всей этой истории.

И странноватые образы мелькали у меня в это время. И позже. И как-то неловко было их высказать, но постепенно они все-таки оформились. Вот во что.

А пьесы к чему, драмы создавали? Когда самая что ни на есть грубая действительность обрывает на наших глазах остроэстетические обертоны? Когда участники событий на наших глазах, входя в плотные слои атмосферы, получают статус не просто каких-то там персонажей, а

раскрываются до глубины, с интенсивностью, присущей самым что ни на есть образам?

Разве же история театра, мастера, его учеников-единомышленников, их непрерывных стараний сделать свое дело, поставить спектакль, создать образ времени, держа перед ним зеркало — и как раз за разом разбивались их усилия, как получалось что-то, и не получалось — во много раз больше, сколько сил уходило впустую, — это не театр?

И вместе со всем этим — сколько видно глупости одних и неуязвимого оптимизма других, и как, при всех потерях, порой трагических, стал, наконец, замечен просвет, выход. Уже в наши, еще далекие от безоблачности дни.

Так что жанр действия оформляется как бы сам собой: это, конечно же, трагикомедия.

ТЕАТРАЛЬНЫЕ МЕЧТАНИЯ

И мне почему-то представилось, как «Блеск, гибель и возрождение Таганки» (название условное) пишут, разводят по ролям и ставят — где-то в другом театре. Как, выражая любовь и сохраняя некую любовно-ироническую дистанцию, иные актеры, иного поколения — играют Филатова и Снежкова, Высоцкого и Золотухина, Шаповалова и Демидову, и всех-всех, но, может быть, чуть обобщенно, и тогда надо назвать их как-нибудь иначе, например, Бард, Друг, 1-й актер, 1-я актриса и т. д., а кроме того Мастер, Начальники, Начальница, Самый Большой Начальник...

И действие может разбегаться по сцене и по кабинетам, по Москве и по стране, по Средиземноморью и по Европе, и снова Москва, кабинеты, кулисы, сцена.

Даже жалко, если такого спектакля мы почему-либо не увидим. Таганковцы, мне кажется, ощутив серьезный интерес, согласились бы стать экспертами и консультантами.

А ВООБЩЕ-ТО мелькают сюжеты, которые каждый раз по-новому высвечивают нашу историю, не в интимном, а, так сказать, в человеческом варианте.

Вот хоть бриллиантовая — 60-я годовщина свадьбы двух очень милых людей. И, как водится, — воспоминания. Как совсем еще молодой супруг проводил неминуемо трудно дававшуюся коллективизацию. Как гонялись за ним бандиты — вот только что чувствовавшие себя простыми хлебопашцами. Как только пара отличных рысаков уносила его от их места.

— А как теперь вы относитесь ко всему этому? — спрашивает журналист. И старенькая супруга с молодой горячностью высказывает — нынешние, молодые мысли: сколько горя принесла она крестьянам, эта коллективизация...

Ну что тут скажешь? Как эзр — быть сильным, верным, преданным, что любишь, что видишь, и можно ли остаться справедливым в активном историческом действии такого века, как наш?

— Ну, тогда — горько! — восклицает журналист, и хотя лоб разбей, лучшей реплики ни за что не выдумаешь.

Горько. Поцелуй. Горько. Святость и грех. Не знаю, как судить. Что сказать. Горько.

Жизнь ревнует к любому искусству. И на наших глазах вступает в единоборство с художественным вымыслом, побеждая, пожалуй, даже потенциально гениальных придумщиков.

Вообще-то для такого составления документа и романа, правды и сказки, легенды и факта, кажется, самой судьбой создано именно киноиздание. Не поверхностным было бы суждение, что, если все дело тут в форме: экран, доска, нарочито отталкивает, допоставляет детали и оперы, песню и — образ и прототип, все — экран.

Нет, ТВ делает лишь замечание, выразительное то, что обнаруживает себя везде, почти на каждом шагу.

В ОТ, ДЛЯ КОНТРАСТА, что ли, строгий, академический (чуть не сказал сухой, но это все-таки не так, сейчас увидите) журнал «Вопросы литературы». Почему-то № 8. Более поздние до сих пор не пришли.

Сомарсет Моэм. «Упадок и взрывание детектива». Что ж, грустно. Но это уже в конце номера. А вся середина заполнена фантастической, оглушающей, особенно с непривычки историей: «Тихий Дон»: загадки минимые и реальные.

Ну, я думаю, слухи о чем-то там таком доходили до многих. Но тут — не слухи, а самая что ни на есть полемика, напоминающая схватку рыцарей у какого-нибудь Бальтера Скотта.

В разрешении донельзя запутанной, и на наших глазах еще продолжающей запутываться истории создания романа, наверное, прославленного романа принимают участие историк Рой Медведев, профессор Принстонского университета Герман Ермолаев, наш отечественный шолоховед С. Семанов — и еще и А. И. Солженицын и некий советский литературовед, фигурирующий под псевдонимом А.

Что фамилия Шолохова, возможно, Кузнецов — это малоч. Что у текста есть автор и соавтор — это поинтереснее. Что автором пратекста, возможно, был донской писатель Ф. Д. Крюков (1870—1920 гг.), а возможно, и не он — это уж совсем потрясает. А вы (мистер Моэм) утверждаете, что детективаов больше нет.

И все это, прошу учесть, происходит в дни, когда надо же наконец сделать последние уточнения в подписке. Ну, «Вопросы литературы» — с ними для меня все ясно, как и с «Литературным обозрением». Выписал и правильно сделал.

А с «Октябрем» как раз никакой ясности не наблюдается. Выписал — но что? Какой журнал? С каким будущим?

И — самое главное — пора, видимо, решиться. Пойти на почту и подписать газету «Правда». Мы ждем от нее многого.